

Примечания

1. *Луков В. А.* Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 79–87.
2. *Щепанская Т. Б.* Система: тексты и традиции субкультуры. – М., 2004.
3. *Головин В. В., Кулешов Е. В., Лурье М. Л.* Подростковые сообщества в современной России: мегаполис, провинция и деревня // www.ruthenia.ru.
4. *Ферапонтов И., Трушкина Н.* «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина как авантекст (на материале толкинистских анекдотов) // <http://www.ruthenia.ru/folklore/ferapontov6.htm>.
5. См. *Неклюдов С. Ю.* Фольклор современного города // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 5–24.
6. Картина мира в молодежной культуре. – Йошкар-Ола: РИО МарГУ, 2006.
7. См. подробнее: Картина мира в молодежной культуре. – С. 7–75 (главы 1, 2).
8. *Рукомойникова В. П.* Виртуальный фольклор: за и против. – Йошкар-Ола: РИО МарГУ, 2004. – С. 24.
9. *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – С. 40.
10. Там же. – С. 190.
11. Современный городской фольклор. – М.: РГГУ, 2003. – С. 11.

Э. М. Афанасьева
(Кемерово)

Новогодне-святочный цикл: к проблеме семантической подвижности обрядовых границ в XX веке

В зимнем периоде славянского народного календаря ключевая роль отводится святкам. При этом категория нового года нередко выносится за пределы святочного цикла, но, между тем, рассматривается в контексте лиминарного промежутка истощающегося и зарождающегося хроноса [1]. Семантические границы святков и нового года под воздействием календарной реформы начала XX в., связанной с переходом с юлианского календаря на григорианский, оказались подвижны. Календарный

сдвиг на 13 суток в народной среде прошел особого рода адаптацию, что связано с ритуально-магической переакцентуацией наиболее знаковых праздников и их канунов. Смена «старого» времени «новым» создавала своеобразную брешь в календарном цикле, «безвременье», разорванную границу, восстанавливающуюся через обряды обновления [2]. Этот период соотносится с мотивами ритуального умирания и воскресения мира. Представления об опасности промежуточного календарного периода подкреплялись наблюдениями за суточным циклом. Укорачивающийся день и удлиняющаяся ночь символически соотносились с преобладанием тьмы над светом, что непосредственно было связано и с представлениями о разгуле inferнальных сил, проецируясь на христианский цикл от Рождества Христова до Крещения. По народным представлениям, начало года воспринималось сквозь призму нарушения границ «святого» и «демонического», что создавало возможность проникновения потустороннего мира в мир живых.

Симптоматично, что фундаментальное исследование В. И. Чичерова, посвященное зимнему периоду народного календаря, охватывает промежуток с XVI по XIX вв. Исследователь ставит проблему календарных реформ в связи с переносом празднования нового года с 1 марта на 1 сентября, а позже и на 1 января. И даже отмечает некоторые фольклорные следы подобного рода сдвигов, например, при анализе овсеновых обрядов [3], хотя это не является целью его работы. Думается, проблема семантической подвижности обрядовых границ достойна отдельного рассмотрения. Официально утвержденный календарный порядок, подобно всему новому, должен пройти обрядовое приобщение к традиционным представлениям о календарном цикле. Е. А. Костюхин в «Лекциях по русскому фольклору» четко обозначил эту проблему: «История русских обрядов за последнее тысячелетие – это история их трансформации» [4]. В данной статье рассмотрен один из частных случаев подобной трансформации.

Ко второй половине XX в. наблюдается функциональное слияние новогодних торжеств со святками, при этом возникает синтез традиций, порождаемых семантикой как народного календаря, так церковного и гражданского. Ритуальные паузы обусловлены, с одной стороны, нерабочими днями, регулируемые государственными праздниками [ср.: 5], праздниками церковными и знаковой датой, закреплённой в коллективной памяти о сдвиге календарной системы в начале XX в. Таким образом, особую семантическую нагрузку несут на себе дни: дата

нового года – 1 января, Рождество, старый новый год, Крещение – и, соответственно, кануны праздников. Причем 1 января было включено в этот цикл позднее всего. В контексте дореволюционного старого стиля начало года приходилось на пограничный период календарного круга: Рождество праздновалось в «старом году» – 25 декабря, Крещение уже в «новом» – 6 января. При переходе с юлианского календаря на григорианский святки полностью переносились на январский период, то есть в уже наступивший год. Между двумя знаковыми периодами святочной обрядности (Рождество, которое теперь приходилось на 7 января, и Крещение – на 19) продолжал оставаться пограничный элемент, напоминающий о воссоединении границ старого и нового года, который продолжал праздноваться с 13 на 14 января. Он получил народное определение *старый новый год* (новый – по григорианскому времяисчислению, старый – по юлианскому). 1 января как начало годового цикла оказалось вытеснено за пределы святочного периода.

Экспедиционные записи, сделанные на территории Кемеровской области в начале 2000-х гг., позволяют по воспоминаниям старожилов восстановить процесс семантической мотивации календарного сдвига в народно-обрядовой среде на территории Сибири. В рамках данной статьи исследование проводится только на материале Беловского района Кузбасса. Изначально (по старому стилю) наибольшая обрядовая нагрузка закреплена за Рождеством: «Вот Рождество подойдет, три дня ничего не делали, даже не давали в избе мести. А днем чё-нибудь делали. Мы прями да вязали. А вечером раньше убиралися, солнце садится – чтоб ничё не делали. Святые вечера» [ДАИ]. Обрядовое бездействие – знаковое явление в переходном цикле от старого к новому, это особого рода безвременье, за которым следует восстановление разорванной целостности мира. Святочное время организовано дневным и вечерне-ночным коллективным празднеством: до обеда ходили «славили», пели заклиательные песни охранительного или корильного свойства; к вечеру одевались шулюкиными [ср.: 6], которые ночью опрокидывали обыденный миропорядок: примораживали двери, снимали ворота, разрушали поленицы.

Линейное течение времени в новогодний период осмысливается в своем циклообразующем, круговом, повторяющемся варианте [7]. Годовой круг начинает приобретать одновременно пессимистичную (удаляющуюся от первоначальной гармонии сотворенного мира) и оптимистичную (возрождение) мотивации: «Все, что происходит во

времени, разрушается, распадается, вырождается и в конце концов погибает... Год имеет конец, но за ним автоматически следует новое начало» [8]. Отголоски мифологических представлений в праздновании новогоднего цикла до второй половины XX в. связаны с сознательным и довольно долгим отказом от признания 1 января как начала нового года. Отправной точкой годового круга продолжал осмысляться *старый новый год*. Соединение «старого» и «нового» в этом дне является универсальной иллюстрацией обрядового стремления воссоединения разрозненных временных границ. В святочном цикле старый новый год выделен как день наиболее открытый для встречи со «старым» миром, наиболее благополучный для гаданий. С 13 на 14 января накрывался обильный стол, на этот день приходился пик святочных гаданий, хождение по домам. «На Рождество тоже можно гадать, и на старый новый год, на старый новый год лучше» [ВАИ]. «И новый год, и старый праздновали. Шулюкины ходили» [ХПБ]. «Старый новый год тоже праздновали. От Рождества, с 7 января, и до 19 января – это назывались святки. Вот в эти дни можно ворожить – святые вечера. И вот бегали, ворожили» [ГЮП]. Ко второй половине XX в. намечена тенденция к удлинению святочного периода, в который постепенно включался и сам новый год (с 31 декабря на 1 января). С одной стороны, информанты 10-х – начала 20-х годов рождения фиксируют в воспоминаниях неприятие 1 января как праздничной даты (наиболее частотный ответ на вопрос «Как праздновали новый год?» – «Никак не праздновали, спать ложились и всё»), с другой – очевидна постепенная адаптация новогодней даты в новых условиях: «На новый год ворожили. Мы блюдцем ворожили...» [ГАВ]. На него проецировались такие обрядовые элементы, как обильный стол, новая одежда, украшение дома (позже – установление елки), новогодние гадания.

При переходе в XX в. на новый стиль смещение временных границ на 13 суток произошло официально, в народном же сознании очевидна привязанность к старому стилю. Ритуальное обновление мира опирается на первоначальную точку гармонизации прошлого, старый стиль с его 14 января (старым новым годом) мог претендовать на эту магическую роль, но, чтобы произошло символическое насыщение искусственной даты 1 января обрядовым сверхсмыслом, понадобилось время. Привязанность к досоциалистическому стилю проявляется и до начала 2000-х гг. в ситуации встречи помимо нового и старого нового года [9]. Удвоение новогодних торжеств, таким образом, восстанавливает двой-